

Целищев В.В.

МОИ ВСТРЕЧИ С РОРТИ

Ричард Рорти в моей публикационной деятельности занимает особое место. Описывать его значимость и влияние было бы неуместно здесь, поскольку его известность в России велика. К тому же приведенные выше материалы дают прекрасную характеристику его философии и убеждений. Я хотел бы остановиться на описании Рорти, как я его знал. В начале 1990-х я наткнулся на его статью *Нынешняя философия в Америке*, которая поразила своим необычным стилем. Начавшаяся переписка с ним была лестной для меня, и одним из результатов ее была присланная мне книга Томаса Пинчона (в русском недавнем переводе *Винландия*). Обнаружив, что мы оба поклонники этого писателя, он в своих письмах касался не только чисто философских проблем.

В 1993 и 1995 гг. я бывал у него дома в Вирджинии, пользуясь его поразительным гостеприимством. В одну из ночей он написал предисловие к моему переводу его знаменитой книги *Философия и зеркало*

природы, которая была дважды издана на русском в Новосибирске в 1997 году. В процессе перевода я получал от него консультации, в ходе которых он охотно вступал в разговор об особенностях книги. Хорошо помню, как озадачен он был, когда я не был уверен, что правильно передал значение термина *whiggish*. Он переглянулся с женой Мэри, и они оба согласились, что возможно в нашей, то есть, российской политической культуре это слово было попросту неизвестным. Много советов я получил от него по электронной почте, и думаю, что я был единственным переводчиком его книги, с которым он столько возился. У него не было комплекса «автора книги», когда автор готов защищать каждую строку своего сочинения. Так, когда я высказал некоторое сомнение в необходимости огромного числа сносок, описывающих детали, он сказал, что это было уступкой стилю академических изданий, и без таких примечаний книга бы просто не вышла. Это обстоятельство нашло отражение в его предисловии к русскому изданию. Такое признание со стороны автора было для меня в то время просто поразительным.

Он был очень терпелив к неясностям, свойственным робеющим перед авторитетной аудиторией докладчикам. Помню, я был приглашенным докладчиком на конференции по гуманизму, организованной ЮНЕСКО в Париже в 1996 году. Там был достаточно звездный состав, – так, среди докладчиков был очень известный философ права Ричард Познер, довольно резкий оратор с жесткой аргументацией. Моя секция имела дело с проблемой справедливости, и в то время я, под влиянием травмы в связи с распадом СССР, выражал на секции довольно смутные идеи, продиктованные скорее эмоциями, нежели тщательно продуманными вещами. После моего выступления встал Рорти и поставил мое выступление в контекст общей теории, и тут встало все на место, как для меня, так и для аудитории.

При чтении работ Рорти меня, да я думаю и не меня одного, несколько смущала его позиция, в которой он представлял себя как представитель «богатой североатлантической культуры», и я считал, что его акцент на американскую культуру каким-то образом преуменьшал его мировую значимость как философа. Я был уверен, что значимость его философии далеко выходит за пределы американской почвы, и что его упор на американский философский прагматизм несколько узок. Однако впоследствии я понял ошибочность такой оценки, поскольку Рорти превосходно был осведомлен о многих культурных явлениях в Восточной Европе, не говоря уже о Западной Европе. Так, я помню,

что мы не сошлись в оценке фильма по роману «Невыносимая легкость бытия» по роману М. Кундеры, и в ходе разговора он показал детальное знание литературы Восточной Европы, что совсем несвойственно американским интеллектуалам.

И хотя в своих работах Рорти предстает жестким интеллектуалом, особенно в отношении философов, он был удивительно добрым человеком. Для меня издание перевода *Философия и зеркало природы* было делом трудным, потому что в те 1990-е трудно было найти деньги на издание серьезных книг, как впрочем и сейчас. С трудом я получил грант министерства печати, и отдал их в издательство, где они просто пропали. Когда я неохотно сообщил о трудностях Рорти, он просто решил выслать деньги. Мое смущение таким оборотом событий он преодолел словами в письме: «Мне эти деньги достаются проще, чем тебе. Твой Дик.»

Рорти был с виду меланхоличным человеком. Недавно я прочитал воспоминание одного из философов, по которому речь Рорти напоминала ослика из книги Милна. Для меня это было поразительным совпадением с моим впечатлением, потому что действительно его стиль речи напоминал речь ослика «Иа-Иа» из русского мультфильма. Один симпатизирующий философ написал, что Рорти представляется ему как разочарованный метафизик, и это разочарование явилось причиной его в высшей степени критической позиции в отношении философии.

Терпимость Рорти распространялась не только на его теоретическую работу. Будучи в его доме, я узнал, что вторая его жена Мэри поставила ему условие, что детей она будет воспитывать в своей вере, а она принадлежала церкви мормонов. Каким образом один из самых просвещенных людей планеты имел детей мормонов, для меня до сих пор остается непостижимым. Из всех отцов-основателей американской демократии он больше всего ценил Джефферсона, автора закона о свободе вероисповедования. Именно эту сторону он подчеркнул в разговоре со мной, показывая мне резиденцию Джефферсона в Вирджинии. Кстати, он показал мне также комнату в Вирджинском университете, где жил Эдгар По, Естественно, что там было чучело Ворона. Я был очень доволен этим посещением, поскольку *Ворон* является моим любимым стихотворением, которое я знаю наизусть на обоих языках.

Узнав о смерти Ричарда Рорти (для меня, по его инициативе, Дика), я немедленно вспомнил его главу *Контингентность Я* из книги

Контингентность, ирония и солидарность. Он начинает эту главу со стихотворения Филиппа Ларкина, последняя часть которого гласит (я не решился дать русский перевод; под рукой у меня нет перевода этой книги на русский, но я думаю, что перевод много теряет):

On that green evening when our death begins,
Just what it was, it hardly satisfying,
Since it applied only to one man once,
And that man dying.

Последняя строчка «и этот человек умирает» уже при первом чтении впечатлила меня. Рорти разбирает стихотворение, интерпретируя его в тонком философском плане. Но для меня оно имеет совершенно конкретный смысл. Рорти умирал давно, зная, что у него рак. И возможно, эту книгу он писал в предчувствии своей болезни. И это осознание делает его книгу для меня особенно экзистенциально значимой.

Для меня недавно ушедший из жизни Дик Рорти вспоминается на тропинках в лесах Вирджинии, где он, вооруженный биноклем для наблюдения за птицами, ронял свои меланхоличные реплики. Недавно перечитав некоторые статьи из подаренного им мне четырехтомного сборника своих сочинений, я остро ощутил тоску по этому человеку. Это был в высшей степени оригинальный мыслитель, который объявил философию «разговором человечества». Я думаю, что это наиболее удачная характеристика философии.